

Враги человечества

Сотни миллионов людей во всех углах земного шара уже поставили свою подпись под Стокгольмским Воздвигением. На весь мир прозвучало их грозное «нет»,вшенное в лицо поклонникам атомной бомбы,убийцам детей и женщин.

Все честные люди мира, подписавшие этот исторический документ наших дней, миллионы своих голосов, слившихся в один мощный, поворачивающий трепет врагов голос, в всесудьбование говорят об одном: «Мы — за жизнь, за мир, за счастье наших детей». Прогрессивный немецкий писатель Вильгельм Бредель предложил занести подпись под Стокгольмским документом в специальные «книги мира», которые станутся потомкам как величественный памятник нашей эпохи.

Но наряду с книгами мира, книгами жизни человечество могло бы завести «книгу смерти». На ее страницах нашли бы себе место имена всех тех извергов и каннибалов, которые открыто проводят уничтожение миллионов человеческих жизней и разрушение величайших ценностей мировой культуры. Она была бы невелика, эта книга, — осатаневших маниаков ленинго; из них не сформируешь и ба-тано. Но, не скаженные за руку, они опасны.

Тысячи трупов и плахи пожаров над городами и селами Кореи, эти и многие другие здания — «пилы трудов» небольшой группы финансистов, головорезов в генеральских мундирах и фраках дипломатов. Имена этих людоедов хорошо известны. О них говорят с презрением и ненавистью. Навеки заклеймены каминой печатью и сами они — эти новоявленные претенденты на мировое господство, их приспешники и оружейные, имеющиеся «писатели», «ученые», «деятели культуры».

Честные люди отвернулись от этих «культурных» гангстеров. Реакционные «писатели» и «публицисты» — дос паскосы и бархэмы, морики и мальро, ксенофобы и спленды, фашистующие «философы» и лжеученые — рассеяны и фрагменты уже давно разобраны в глазах всего мира. Эта литературно-ученная чада Уолл-стрита та же известность прогрессивному человечеству, как и ее хлевые —магнаты стальных трестов и фабриканты культуры.

Хорошо известно, чего можно ожидать от литературных и иных лакеев Трумана; на этот счет мало кто заблуждается. Рядом с этими явными врагами мира орудуют враги тайные и маскирующиеся. Они распознаны еще далеко не всеми, и поэтому второе опасней. На пышной пантин деревне «чистого искусства», в которую они рвались, еще не все разглядели пятна крови и грязи.

В наши дни поджигатели войны маскируются особенно усердно, изобретая все новые и новые способы мимикрии. Пропагандисты политики войны, Труман и Ачесон предполагают воинствующим угрозам ханская разговоры о мире. Американские бомбардировщики, сеющие смерть над городами Кореи, «замаскированы» флагом Организации Объединенных Наций. Шайки американских головорезов изнутри от дипломатии предлагают привычное название «патруль ООН». Неудивительно, что поджигатели войны особенно ценят услуги тех своих литераторов-надежд, которых наиболее умело прибывают к камуфляжу, пронеся войну под флагом «мира» и смертубийство — под видом «уманства».

Несколько лет назад в США вышла изобилиующая гиены выпадами против Советской Армии книжка Дос Пасоса «Путешествие по долгу». ее было бы точнее назвать: «Путешествие по долгу службы», еще точнее: «Путешествие по долгу службы в разведке». Американским империалистам хочется, чтобы наряду с такой «прорукой» появлялись книги, где язвительно говорилось бы о «долге перед человечеством» и «демократии». Ныне подобные выступления, которые на книжном и газетном рынке по повышенной цене, и авторов таких опусов расплодилось немало. Некоторые из этих господ так старательно вошли в свою роль, что громко недоговорят и возмущаются при всякой попытке разоблачить их подлинную ложь.

Жорж Люамель, например, лично и юридически готов клясться в своей приверженности принципам гуманизма. Кличка поджигателя войны притворно смущает его, пожалуй, в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Одни из этой стан врагов мира рычат, скажут, другие кусают испохи. Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй, в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

Каждый из них, притворно смущает его, пожалуй,

в такой же мере, в какой она в свое время «удивила» Джона Фостера Даллеса. Но как бы ни расинился «матер» Люамель в том, что он честнейший сын гуманиста, ему никак не скрыть ущел прямого пособника поджигателей войны, торчащих из его недавнего интервью в реакционном французском журнале «Шарль».

Из этого стана врагов мира рычат,

скажут, другие кусают испохи.

<p

Степные мечтания

П. ПАВЛЕНКО

Об использовании вод Днепра для орошения Южной Украины и Крыма говорили еще в конце прошлого столетия. Проект считался, однако, трусливо осуществимым, поговаривали, что он даже не реален. С годами проект превратился в легенду, в мечту. Степь перешла на колодцы, на артезианские скважины. В организациях сельских приходов, «стаков», стала видеть единственное будущее быстро и мучительное выгоравшей крымской степи.

Древние стаки еще видели урожаи пшеницы в полтораста-двести пудов, внуках из них приходилось встречаться с такими урожаями даже во сне.

Трудно и неуверенно жили северо-крымские степи, где в сухие годы не выбиралась с поля даже затраченных на поле семян, где тощий салник какого-нибудь фанатика-мечтчуринца считался чуть ли не чудом, где часы черных бурь даже пыль была соленой в вкусе, даже ветер имел соленый привкус.

Истории солоны эти места, истары, с чумаками. Думалось, что, кроме соли, тут уж никого не будет места никакому другому богатству. А ведь и то сказать. Присекались и особенно присыпывались испытательные по богатству солей являлись в своем роде единственной природной солеварней в мире.

Запасы магнезиальных, калийных и бромистых солей Сиваша пестрияются миллиардами тонн. Здесь по очистке солей остается грандиозное количество чистого магния, основы легчайших металлов, более легких, чем алюминий, металлов будущего.

Солище и суховек способствуют здесь такому сильному испарению воды в Сиваше, что в летние месяцы мелкие воды залива прогреваются до дна. Ветер, дующий с суши, а после полудня с залива перегоняет воду Сиваша на раскаленные солнцем плоские берега, экономя стране миллиарды тонн каменного угля, которые ушли бы на заводскую выпарку соли.

Идея Северо-Крымского канала, питаемого водами Днепра, казалась преждевременной, нереальной даже два десятилетия тому назад. Надо было создать промышленную базу нового, социалистического уровня, чтобы проблема канала, по сути дела, пересекающего Крым от Сиваша до Керчи, стала практически осуществимой, вполне реальной.

Теперь каждый из нас, живущих в Крыму, ясно видит свой будущий канал, и, хотя его еще нет, он уже вошел во все наши жизненные расчеты. Мы уже строим его в своих планах. Это особенно ясно стало двадцати тысячам колхозников, съехавшимся на всенародный митинг в Джанкое.

Из Владиславовки будет отвод на Феодосию. И как тогда преобразится побережье бухты Карадага, как начнет бурно расти изумительный курорт Коктебель с его чудесным и в своем роде единственным пляжем в Советском Союзе!

— А Арабатская стрелка? — удивленно прерывает меня старый чайтан с лицом, похожим на коричневый медовый пряник. — Нет, вы в самом деле — так себе говорите, или по каким определенным данным? Арабатская же стрелка первая из всех выпрыгивает. Это ж видать любому. Это ж чистое золото, а какие места!.. Рыба, ей богу, с самой Керчи заспорят, а виноград, а вино?.. Такого рислинга и Масандры с роду не видывала... Голову настолько...

— Погоди ты со своим рислингом, — думал я, — оттесни задорного старника представителя Белогорского района.

— А ну, дайте обзор по нашему Белогорску, как там подключаемся к каналу, нет?

— Белогорский район будет строить особое водохранилище, как, вероятно, и Симферопольский.

Белогорец упрямо отбрасывает кепку со лба на затылок.

— Все равно, на канал и мы, дойдем. И этого тоже энергично и дружно поддерживают: и что всем нужна вода, все хотят ее, все будут сооружать канал.

У карты, на которую нанесена схема трассы будущего Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов, толпятся люди, идут горячие споры. Захватят ли канал такой-то сюда или оставят его левее себя?.. А не лучше ли было бы пройти правее сюда?.. Несколько человек считают, что второй вариант практичнее. С трудом удается объяснять, что на карте трасса дана условно, что еще нет точных расчес-

тав, и потому весьма вероятно, что в процессе работы возможны местные поправки.

Каков будет канал? — этот вопрос волнует и старого и малого.

— То есть как какой? Канал, как канал.

— Да нет, вы опишите его, хотя бы вкратце.

Вопрос обращен ко мне, и, стоя у схемы канала, я рассказываю о нем вкратце таким, каким он рисуется мне.

Лет через шесть-семь, мы сядем с вами в Киеве на экскурсионный пароходик того легкого типа, какие ходят по Москве-реке в качестве «греческих трамваев», и направимся вниз по Днепру до Бахчисара. Я не знаю, сумеем ли мы с вами беспрепятственно, без пересадки, пробраться на канал, идущий к Асканию-Нову и через нее в Сивашу. По мне хочется, чтобы это было именно так. Но насыпи через Сиваш канал перейдет на крымские земли, и мы помчимся к Джанкою, разглядывая тучные, сырьи стены сквозь зеленую сетку молодых салов, окаймляющих канал. Где-то возле Джанкоя, на бурых от солнца холмах, выгоревших еще с июля, развернется стенная пристань. Впрочем, вероятно, она будет явно степной. Салы и лесозаводы насыщены, виноградники, аллеи и цветники затушуют степной характер ландшафта. Канал пройдет по многим крымским районам, коснется или, во всяком случае, пройдет возле Азовского, Нижнегорского, Кировского, Владиславовского, Каменского, многострадальных Семи Колодезей, в годы Отечественной войны носивших прозвище «Семи смертей», и придет самой Керчи на заводы Камыш-Буруна и города.

Из Владиславовки будет отвод на Феодосию. И как тогда преобразится побережье бухты Карадага, как начнет бурно расти изумительный курорт Коктебель с его чудесным и в своем роде единственным пляжем в Советском Союзе!

— А Арабатская стрелка? — удивленно прерывает меня старый чайтан с лицом, похожим на коричневый медовый пряник.

— Нет, вы в самом деле — так себе говорите, или по каким определенным данным? Арабатская же стрелка первая из всех выпрыгивает. Это ж видать любому. Это ж чистое золото, а какие места!.. Рыба, ей богу, с самой Керчи заспорят, а виноград, а вино?.. Такого рислинга и Масандры с роду не видывала... Голову настолько...

— Да как же без кадров!

И вот уже чувствуется необходимость открыть гидротехнический институт и школы для подготовки нашего персонала.

А сколько нужно будет тракторов, сложных землекопательных машин, водителей, механиков, геодезистов, плотников, строителей... Бед безузовно села — соседи канала — воспользуются счастливым случаем перестроиться, обновиться...

Многое множество тем вызывает к жизни еще не построенный, но уже в наших жизненных распорядках существующий канал!

Он не только обводит и оросит нашу землю, он обогатит наше сознание, расширит и углубит круг наших интересов, вспомогательно приближает нас к коммунизму.

Приходит в мартеновский цех ученики ремесленных училищ и школ ФЗО.

— Да это стадион! — говорит старший мастер завода «Серп и молот», лауреат Сталинской премии.

Его собственные ученики идут вслед за ним, совсем иными темами.

Вот Анатолий Субботин, имя его известно в Союзе. Он пришел в мартеновский цех в 1945 году. Через четыре месяца он стал первым подручным и в том же 1945 году выдал первую плавку. Он провел ее блестяще, закончил за 20 минут до срока. Ему было 19 лет, и он «получил девятый разряд». Субботин тоже лауреат Сталинской премии.

Приходит в мартеновский цех ученики ремесленных училищ и школ ФЗО.

— Да это стадион!

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

Перед началом Отечественной войны он окончил 9 классов средней школы и аэроклуб. Но когда началась война, на фронте не послали: нехватка голода и совершенства. Он отправился строить оборонительные сооружения. В 1942 году Виталий Михайлов пришел в мартеновский цех и впервые увидел величественное зрелище плавки, которое обычно кажется новичкам то морем, то водопадом, то дорогой, освещенной солнцем.

В 1943 году он уже плавил сталь самостоятельно.

Скоростные плавки были новшеством, известны только лучшим стальеварам страны. На заводе «Серп и молот» рекордная скоростная плавка за 3 часа 45 минут была выдана Виталием Михайловым — бывшим ремесленником.

Это стальевары особенно.

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

Перед началом Отечественной войны он окончил 9 классов средней школы и аэроклуб. Но когда началась война, на фронте не послали: нехватка голода и совершенства. Он отправился строить оборонительные сооружения. В 1942 году Виталий Михайлов пришел в мартеновский цех и впервые увидел величественное зрелище плавки, которое обычно кажется новичкам то морем, то водопадом, то дорогой, освещенной солнцем.

В 1943 году он уже плавил сталь самостоятельно.

Скоростные плавки были новшеством, известны только лучшим стальеварам страны. На заводе «Серп и молот» рекордная скоростная плавка за 3 часа 45 минут была выдана Виталием Михайловым — бывшим ремесленником.

Это стальевары особенно.

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

Перед началом Отечественной войны он окончил 9 классов средней школы и аэроклуб. Но когда началась война, на фронте не послали: нехватка голода и совершенства. Он отправился строить оборонительные сооружения. В 1942 году Виталий Михайлов пришел в мартеновский цех и впервые увидел величественное зрелище плавки, которое обычно кажется новичкам то морем, то водопадом, то дорогой, освещенной солнцем.

В 1943 году он уже плавил сталь самостоятельно.

Скоростные плавки были новшеством, известны только лучшим стальеварам страны. На заводе «Серп и молот» рекордная скоростная плавка за 3 часа 45 минут была выдана Виталием Михайловым — бывшим ремесленником.

Это стальевары особенно.

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

Перед началом Отечественной войны он окончил 9 классов средней школы и аэроклуб. Но когда началась война, на фронте не послали: нехватка голода и совершенства. Он отправился строить оборонительные сооружения. В 1942 году Виталий Михайлов пришел в мартеновский цех и впервые увидел величественное зрелище плавки, которое обычно кажется новичкам то морем, то водопадом, то дорогой, освещенной солнцем.

В 1943 году он уже плавил сталь самостоятельно.

Скоростные плавки были новшеством, известны только лучшим стальеварам страны. На заводе «Серп и молот» рекордная скоростная плавка за 3 часа 45 минут была выдана Виталием Михайловым — бывшим ремесленником.

Это стальевары особенно.

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

Перед началом Отечественной войны он окончил 9 классов средней школы и аэроклуб. Но когда началась война, на фронте не послали: нехватка голода и совершенства. Он отправился строить оборонительные сооружения. В 1942 году Виталий Михайлов пришел в мартеновский цех и впервые увидел величественное зрелище плавки, которое обычно кажется новичкам то морем, то водопадом, то дорогой, освещенной солнцем.

В 1943 году он уже плавил сталь самостоятельно.

Скоростные плавки были новшеством, известны только лучшим стальеварам страны. На заводе «Серп и молот» рекордная скоростная плавка за 3 часа 45 минут была выдана Виталием Михайловым — бывшим ремесленником.

Это стальевары особенно.

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

Перед началом Отечественной войны он окончил 9 классов средней школы и аэроклуб. Но когда началась война, на фронте не послали: нехватка голода и совершенства. Он отправился строить оборонительные сооружения. В 1942 году Виталий Михайлов пришел в мартеновский цех и впервые увидел величественное зрелище плавки, которое обычно кажется новичкам то морем, то водопадом, то дорогой, освещенной солнцем.

В 1943 году он уже плавил сталь самостоятельно.

Скоростные плавки были новшеством, известны только лучшим стальеварам страны. На заводе «Серп и молот» рекордная скоростная плавка за 3 часа 45 минут была выдана Виталием Михайловым — бывшим ремесленником.

Это стальевары особенно.

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

Перед началом Отечественной войны он окончил 9 классов средней школы и аэроклуб. Но когда началась война, на фронте не послали: нехватка голода и совершенства. Он отправился строить оборонительные сооружения. В 1942 году Виталий Михайлов пришел в мартеновский цех и впервые увидел величественное зрелище плавки, которое обычно кажется новичкам то морем, то водопадом, то дорогой, освещенной солнцем.

В 1943 году он уже плавил сталь самостоятельно.

Скоростные плавки были новшеством, известны только лучшим стальеварам страны. На заводе «Серп и молот» рекордная скоростная плавка за 3 часа 45 минут была выдана Виталием Михайловым — бывшим ремесленником.

Это стальевары особенно.

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

Перед началом Отечественной войны он окончил 9 классов средней школы и аэроклуб. Но когда началась война, на фронте не послали: нехватка голода и совершенства. Он отправился строить оборонительные сооружения. В 1942 году Виталий Михайлов пришел в мартеновский цех и впервые увидел величественное зрелище плавки, которое обычно кажется новичкам то морем, то водопадом, то дорогой, освещенной солнцем.

В 1943 году он уже плавил сталь самостоятельно.

Скоростные плавки были новшеством, известны только лучшим стальеварам страны. На заводе «Серп и молот» рекордная скоростная плавка за 3 часа 45 минут была выдана Виталием Михайловым — бывшим ремесленником.

Это стальевары особенно.

Бывший ремесленник, стальевар Виталий Михайлов — красивый юноша, с темным лицом и с той точной речью, которая определяла когда-то исклучительно лиц интеллигентной профессии.

